КРИВИЗНА ЗЕМЛИ

Владимир Абрамсон

Владимир Абрамсон
Кривизна Земли

Текст предоставлен издательством
Кривизна Земли: Издать книгу; 2013

Аннотация

Пронзительно-жизненные рассказы об удивительных и непростых судьбах людей, рассеянных по всему миру.

Подробности непростых, неоднозначных и часто уникальных биографий, написанных точным и емким пером вдумчивого наблюдателя, который вместе с бесхитростным и одновременно глубоким описанием и ненавязчивым анализом, оставляет читателю возможность подвести итоги и составить свое мнение о суровой действительности человеческого бытия.

Книга – своего рода энциклопедия опыта жизни большого количества лиц, попавших своей ли волей или волею рока, движущего историю, в жернова, перемалывающие или оставляющие тихий уголок для раздумий.

Талантливость изображения и воссоздания реалий, общностей и частностей, тонкая наблюдательность, живописные подробности в передаче изощренных событий и мелочей. С живыми описаниями современной действительности и почти неизвестные факты – историческая правда из первых уст от настоящих свидетелей, подробности нелицеприятных страниц жизни эмиграции и существования в концлагерях или под пятой

власти советского или нацистского режимов. Повествование идет как будто от лица стороннего наблюдателя, но видение, всякий раз остро цепляющие, напоминает взгляд камеры свыше, фиксирующей и не дающей излишних комментариев, но заставляющей мыслить и сопереживать.

События рассказов происходят в портах, морях и океанах, в разных уголках и городах России, Прибалтийских стран, Германии, Канады, Америки, Татарии, Чехословакии, Индии, Африки, Швейцарии, на Андаманских и Канарских островах.

В качестве действующих лиц этой пьесы под названием «Жизнь» выступает множество непредсказуемых лиц, от капитана подлодки, журналиста, хуторянина, немецкого оберлейтенанта – до террористов и, вообще, женщин и мужчин со сложной и интересной судьбой.

Содержание

Глава 1. Извещение мореплавателям 6
На Норд от острова Дюнэ 6
Какие книги едят собаки 53
Прекраснодушный 58
Вторжение 65
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Владимир Абрамсон
Кривизна Земли

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Извещение мореплавтелям

На Норд от острова Дюнэ

Подводная лодка изменила курс и сбавила скорость. Ветер, шесть суток тянувший в корму, резко задул справа. Водяная пыль обдала ходовую рубку, превратилась в дождь. Крупная зыбь идет навстречу. Лодка снова и снова зарывается в волну и вспарывает море словно лемех. В пять часов утра открылся плоский каменистый берег. Лодка вернулась в Северодвинскую базу.

Командиру не пристало торчать на мостике без надобности. Неурочное явление командира вахтенный штурман воспримет как недоверие. Борис часто входил в эту гавань и знал, когда скомандуют «швартовая команда – наверх» и «машина – стоп». Завтра на лодке будет тихо, только сменятся часовые. Еще через день он выстроит экипаж в казарме, нет – лучше на свежем ветре на пирсе. Благодарить за службу. Надеть ли черную парадную форму при кортике, рукоятка блеснет на зимнем солнце золотом.

Непарадно сейчас на флоте. Списывают подлодки на гвозди, еще не старые корабли сбились у стенки, покинутые. Оте-

честву нечем их содержать. Борис не пресекал злых разговоров в кают – кампании.

Бориса демобилизовали, беда. Крушение офицерских идеалов. Он только вернулся из автономного похода к американскому берегу, где над ними дважды прошел противолодочный фрегат. Штабные поздравляли «с морей» скучно, скупо. Они уже знали и кое-кто примерял его судьбу на себя. Приехал контр-адмирал, стекла большого автомобиля сверкнули в свете низкого солнца и погасли, напомнив проблесковый маяк на подходе к Северодвинску. Адмирал пригласил его и трех высших офицеров. Борис, чувствуя неладное, первую недосказанность встречи, лихорадочно припоминал все дни минувшего похода. Адмирал старался не быть официальным, но говорил сухим высоким голосом, иначе он не умел: – Офицер флота и в запасе остается в строю… и прочие подходящие случаю фразы. Самому ему они неприятны. Борис спросил невпопад:

– Кто же подлодкой командовать будет? (Чуть было не сорвалось – моей лодкой). Не услышал ответа. Вестовой понес кофе.

От короткого застолья Борис отказался. Надел шинель при молчании штабных, все друзья – приятели, но что же скажешь, о чем спросишь. Вышел из низкого здания штаба и брел по снежной белизне улицы. Перекрещивались на снегу собачьи следы, большие четкие ямки. По северному быстро стемнело. Звонить Тане не буду. На неделе явлюсь – навсе-

гда. Так сложилась их жизнь, что ни в одобрении, ни в порицании, ни в жалости, ни в совете жены он не нуждался. Большая половина из пятнадцати семейных лет пришлась на море да казарму.

Два дня Борис пробыл в Архангельске. Саломбалу когда-то застроили бараками. По тому времени к счастью – разуплотнили на квартирки. Дома обросли сараюшками и поленницами. В крайнем с востока (навигатор Борис не думая, ощущал стороны света) живет его честная давалка – мичманский жаргон. Пять лет с ней, юность Кати обглодал, скотина я, хрен подводный – думал Борис. – Она любила Борю после долгих рейсов добро, уютно и бескорыстно, стеная по ночам. Была как медлительная птица: будто еще с минуту здесь, взмахнет крылом, улетит. Поездка с Борисом (в штатском) на такси в центр на проспект Приорова и час в кафе была ее праздником. Жила ли она с другим в его долгие, долгие отлучки, волновало Бориса редко, когда в море вспоминал о Кате. Возвратясь в Саломбалу, улавливал неопределенность ее серых глаз и стесненность первых движений, не спрашивал.

Утром она поняла, что в последний раз, и поцеловала крепко, без слез.

В Котласе подсел армейский лейтенант. Лейтенанты всегда молоды. Не чинясь в званиях, рассказал, как от армии откосил. Всего – то год из училища вышел и уже на дембель. Борис полагал, офицеры уходят с тоскливой жизнен-

ной неудачей, оказалось – с радостью. Попутного лейтенанта ждали элегантные офисы, большой серебристый автомобиль и таинственные будуары красавиц, пахнущих «Коко Шанель». Когда – то к рождению сына надумал он подарить жене Тане заграничные духи. Унижался, собирая у фарцовщиков по пять долларов, и достал «Шанель № 5». Незадача, кормящим матерям духи никак нельзя.

Лейтенант пенился до самой Москвы, не замечая, как свирипеет моряк.

– Через полгода в ларьке торговать будешь.

Никаких жизненных планов у Бориса не было.

Лейтенанты из хороших ленинградских, московских, севастопольских морских семей женились непременно на красавицах. Рождались благополучные дети. Юные романы были серьезны и трогательны. Выскочишь в воскресенье из флотской казармы, она ждет и ветер с Невы треплет и пушит девичьи волосы. Набережные и парки людны, целоваться негде. Ничто другое и не подразумевалось. Красавицы уезжали с лейтенантами в дальние базы, полагая в каждом будущего адмирала, уносясь мечтами на Невский проспект… На концерте флотской самодеятельности в забытом гарнизоне блистали яркие женщины. Но сырая пурга, когда от дома к дому бредешь по единственной улице военного городка, холодит ноги в тонких колготках.

Сжав жемчужные зубки, Таня двигала мужа вслед за солнцем на запад. Они служили в Находке, Владивостоке, с года-

ми в Севастополе и Калининграде. Таня тонко действовала старинным и надежным оружием – швейной иглой. Светская портниха адмиральш. Утробное, невыполнимое желание – ткнуть иглу в круп Анны Дмитриевны, командирши Краснознаменного Тихоокеанского флота. Но с Анной Дмитриевной вышло хорошее повышение по службе – в Северодвинск. Таня готова ехать на Север, но мальчику тяжелы полярные ночи. Семья обосновалась в Москве. Ждали контр-адмиральских погон Борису.

В молодости Таню смущал малый рост, позже она приняла генетическую неизбежность полноты. Научилась не стоять на людях рядом с высоким Борей, что выглядело бы комично. Не жестикулировать маленькими ручками, и улыбаться. Примерив на себя образ улыбчивой, скромной немногословной блондинки, была приятна со всеми. Студенткой она избрала германистику. Побывала в Германии, влюбилась в немца. Отношения были романтические с очень настойчивым приглашением к сексу, но Таня чувствовала бесперспективность этой любви. Жить в Германии она не хотела. Первым мужчиной стал Борис.

В новые времена Таня почитывала немецкие газеты. Педантичным на пути к цели, работящим и честным немцам она симпатизировала. Их язык, организуемый глаголом, побуждал к действию. Случайная газетная информация «… солдаты и унтер-офицеры Бундесвера обратились к военному министру Фолькеру Руэ с жалобой на неприглядные ар-

мейские трусы. Что унижает человеческое достоинство унтер-офицеров и солдат и нарушает права человека. Они требуют трусы ярких расцветок и с модным сейчас гульфиком. Военный министр приказом по армии и флоту удовлетворил просьбу». Отсмеявшись, Таня задумалась: набежавший капитализм уведет клиенток в бутики. В эпоху Перестройки не удивишь мужчин и их женщин цветастым исподним. Но гульфики… Таню осенило, договорилась с торговцами, дала работу надомницам, нарезала на глаз выкройки на мужские размеры. Через три года российский рынок трусов – гульфиков насытился, Таня разбогатела.

Деньги не стоят выеденного яйца всмятку. Содержание, истинный смысл и цель ее жизни – муж и сын Мишка. Непреходящих движений души требовал муж. Ему нельзя советовать, лишь искать неявные подходы. Она счастлива жить для Бори. Когда он был в море, писала мужу страстные письма – любимый, вечно родной, не останови мое сердце, думай о нашем счастье, помни жар моего лона. Прятала листы в обувную коробку. У подлодки нет адреса, письма самой себе. С годами пламя угасало, оставляя раскаленные угли. Боря о коробке не знал, о любви и чувствах не говорил.

Добродетельная любящая жена Таня томилась мужними настроениями. Чем дольше он не у дел, тем ломче на изгиб его воля и самооценка. Тем развязней держится с ней на людях, потому что это ее московская квартира и ее, удачной модной портнихи, деньги.

В последние недели Ковалевым редко звонили по вечерам. Умная Таня выжидала, чтоб трубку взял Борис. Он замкнулся в четырех стенах квартиры и молчал. Просила подругу звонить Боре почаще и может быть выдеруть в кафе. Телефонный флирт он разгадал и не брал трубку. Понимал, что с ним происходит.

– Становлюсь домашним бомжем.

Сыну Мишке исполнилось тринадцать.

– Пап, ничего мне не дари. Дай пятьдесят долларов на бассейн, все ребята ходят.

– У мамы спроси.

В попытках пристроить на работу отставного морского полковника прошел год. В мелких фирмах Борису отказывали, чувствуя его превосходство и волевой напряг.

Таня устала и думала об отпуске. Желание быть рядом с мужем спрятала мнимой необходимостью ехать по делам в Германию.

Как в дамском романе, в эту минуту позвонили у двери.

– Где ты шляешься, Яша?

Бывший главный механик подлодки вежливо открыл дверь ногой, держа в руках торт, цветы жене командира, Мишин пистолет-пулемет в магазинной коробке и сумку, угадывались бутылки. Высокий, толсто – добродушный, циничный и счастливый зачинщик дружеских застолий, первый парень на флоте Яша Голуб. Темно – синяя с вышитым золотом вензелем нездешняя морская форма.

– Дойче Зеередерай – германский торговый флот. – Понеслось непредсказуемое, любимое мужем застолье.

Приключения моряка на суше и море, услышанные Борисом, Таней и Мишей (пока его не прогнали спать) в московской квартире.

– Моя девичья фамилия Голубинкер, я смутно помню из детства. О том, что я из Риги, знала вся эскадра. В сороковом году мой отец был молод, пришла советская власть. Московский оператор кинохроники Эдуард Тиссе снимал сарайчики на пригородных садовых участках – как ужасные дома, в которых живут при капитализме. Деревенские жены командиров РККА приходили в Оперу в ночных комбинациях, принимая их за шелковые платья. Людей стали сажать. Как огуречную рассаду в грядки – в товарный вагон и затем в Сибирь. Хватали, разумеется не всех, но имеющий четыреста латов в месяц – классово чужд. Так следователь латвийской охранки, прессовавший политических в тюрьме «Браса», выжил, а соседа – лавочника взяли. Насмотревшись, мой отец продал за три символических лата лесопилку, и сократил Голубинкера до Голуба.

– Я вам не надоел? – Мы с Валей вернулись в Ригу в квартиру отца. Но жизни нет. Я «оккупант». Давление в цилиндрах близилось к критическому. В январе девяносто первого случилась ночная стрельба в центре Риги. У канала погибли милиционеры и горожане. Валюша говорит – надо уезжать. Еврейских документов в семье не осталось, но по Га-

лахе (твердый свод шестисот тринадцати законов и правил) я чистый еврей. Еврейский ариец.

Яша уронил салат на белую рубашку. Таня стерла пятна влажной салфеткой и чуть присыпала солью – обучилась, живя в Северодвинске.

– Прихожу я в Сохнут. (Израильская служба репатриации). Руководит Вадик, вместе в женскую школу на танцы ходили. Надел кипу и назвался Вэвл.

– Называй меня Вэвеле. Беседуем под кофе с коньяком, он знает, зачем я пришел.

– Ты обрезан?

– Нет, девственник, как родился. Но я могу сейчас, амбулаторно.

– Свежеобрезанных не берем.

– Тяжелая сцена в рижском Сохнуте – рассказывает Яша. – Входят двое, лет тридцати, накаченные, краткость речи офицерская, Виктор и Павел. Виктор Иваненко и Павел Ивлев. Цивильное не часто одевали, но готовились – брюки в стрелку, кремовые рубашки.

Выложили на стол оторопевшего Вэвеле бумаги: прохождение службы, военные дипломы, благодарности командования – боже мой, военные моряки. Экипажи расформировали, офицеров демобилизовали, бросили в чужой стране. В России ни кола, военный городок сносят. Отчаянная идея – служить в израильском флоте по контракту. На любых условиях.

– Наемников в израильской армии нет – понимает безысходность ситуации Вэвеле.

– С детьми ночевать на вокзале.

Валюша приютила на первое время мальчика и девочку.

Борис молча держал удар.

– Вэвеле наконец оформил мое еврейство – продолжал Яков, и подали мы с Валюшей беженцами в Германию. Я ждал вызова из посольства и думал, что же там скажу. Но сделалось проще, вынул из почтового ящика немецкий конверт. Валька просит – не вскрывай, там отказ, чувствую. Поживем в гостинице у моря и на третий день прочтем. Шли у ночного моря, свернули в поселок и под первым фонарем прочли: «Гамбург».

Чудесен город Гамбург, красив и богат. Яше он близок. Эльба и каналы, огромный порт. Для туристов колесные пароходы, как во времена Гекельберри Фина. Катались с Валей по тесной Эльбе. Стояли обнявшись на подветренной палубе и целовались в каюте. Прощались с российской жизнью в ожидании новой. Там Валя учила школьников истории. Германская история ей чужда, Первый Рейх, Второй. Третий. До седины на пособии тянуть. Яков к себе агрессивен, пружиной взведен на новую жизнь. Ему вдруг все стало непривычно и мило в Вале, поднятый воротник пальто, сдержанный жест и умение ни о чем не спорить. Она искренне не понимает, зачем, выключая компьютер, нажимать «пуск», и разговаривает с машиной. Яков хотел сына, но зная, что она

не может зачать, никогда не говорил об этом. Забытая нежность вернулась. Он ее большой толстый ребенок. Переходили с «Миссисипи» на «Ориноко» и» Миссури», и плавали сутки. По берегам теснились, наползая один на другой, доки, грузовые терминалы, горы и холмы цветных контейнеров. Ненастоящие пароходы шлепали плицами, пьянствовали туристы.

Летние пивные на три и четыре тысячи мест, от двери не увидишь конца зала. Называются «цур швемме» – залейся. Струганные столы и лавки. Играют несколько оркестров, компании шумят. Кельнерша несет, прижав к необъятной груди, десять толстого мутного стекла литровых кружек. Рекорд на состязании кельнерш – четырнадцать. Большая кружка называется «масс», литр семьдесят шесть граммов пива. Так исторически сложилось. С конца стола смотрит человек, не прост, хорошо одет. Кричит – ты русский? Показывает, выйдем, потолкуем. Я не охоч с местными русскими – где что дешевле (как вид спорта), бензин дорожает, пособия не выбьешь, немцы нас не любят. Что значит любят, не любят?

– Ты на биче? – спрашивает. («Бич» – моряк, застрявший на берегу, например, в ожидании рейса. Пришедший «с морей» ставит ему выпивку, иногда дает деньги. К сожалению, этот обычай русского торгового флота выветривается). Федор из Новороссийска, ходит на германских судах. От фирмы «Фриц и Джек». Кампания торгует готовыми экипажами

моряков, от капитана до уборщика, и даже проверенными на психологическую совместимость.

Яков работает домовым мастером в каре из четырех корпусов. Старшим дворником, честно говоря. Стрижет кусты, собирает осенний урожай брошенных велосипедов. Выслушивает жалобы. Дама из номера шестнадцать носит черно – желтый пиджак. Беспокойна – соседка играет на аккордеоне. Вызывала полицию, не потому, что шумно. Плохо играет. Вековая немецкая бытовая культура, Яков ее охраняет. Англичанин чтит королеву, француз пьет шампанское, немец любуется порядком. Кофейные приглашения дамы из номера шестнадцать Яков отвергает.

«Фриц и Джек» последняя надежда остаться на плаву. В небольшой фирме поперек встала референтка.

– Ваш немецкий ниже школьного. Подайте документы по-английски. Нет? На что вы надеетесь? Яша пытался всучить духи, тихо выгнала. Позор совка.

– Я приуныл, себя жалко. Валя тайно слезы утирает. Иду в последний раз. Мымра тихо говорит:

– Жду в кафетерии через десять минут. За столом переходит на чистый петербургский.

– Ваши бумаги я грамотно перепечатала. В офисе слева от двери, коренастый и бесцветный, сидит Фриц Бэк. В кресле Джек Зоммерфельд. Осторожно, он судовой механик и высокий профи. Незнание языка маскируйте вопросами Фрицу: ответит пространно и останется доволен собой. От виски

не отказывайтесь. Джек нальет тройной, выпейте постепенно. Я Ада из Петербурга.

Фриц, Джек и Ада остались им довольны. И бросили на бананы: Филиппины – Япония, бананы в трюмах дозревают. Скучно. Якову хватило природного такта не травмировать высокой технической эрудицией.

Через полгода Яков пришел к Фрицу и Джеку с идеей вербовать опытных моряков в портах бывшего СССР. Вербовать туда, где деньги звенят, не трудно.

Что узнала этим вечером умная Таня. – Подруга студенческой поры Валя живет в Гамбурге. Детей по-прежнему нет. Яша выглядит моложе своих сорока. Когда-то я ему нравилась. Он нашел место под солнцем. Кажется, муж немного ожил, весь вечер сидел во главе стола на капитанском месте. Яша хочет сказать ему нечто значительное? Среди ночи проснулась, Бори не было. В большой комнате при ней возникла напряженная тишина. Мерцает без картинки ночной телевизор.

Что не узнал этим вечером Борис. Фирма «Фриц и Джек» действительно нанимает моряков, но богатеют владельцы на перевозках морем. Не всегда груз чист. Давно Фриц и Джек строго положили не связываться с торговлей оружием. Опасный, беспощадный и кровавый бизнес. Но миллионная возможность открылась случайно: последняя поездка Якова в Ригу не была удачной. Моряки уходят под русский,

панамский, кипрский, багамский флаги. Приглашать в Гамбург некого. В конце августа ушла советская армия. Не чуждый латвийских новостей Яков высмотрел: осталась кое-какая техника, военные склады и городки, несколько кораблей. «Уберите ваше железо» – высказался в прессе новый военный министр.

Яша почуял выгоду. Взял машину напрокат и поехал к устью Даугавы. Центр города выглядел по-европейски. От Петерсалас пошла неприбранная ветхость. Пустые доки, поникшие, отчаявшиеся портовые краны. В морской Болдерае – Усть – Двинске, – где Яков когда-то служил, сейчас встретил пустынно повалившиеся заборы, огороды. Он оставил машину и миновал никем не охраняемый мост на военную базу. Пошел через железнодорожное полотно, обходя штабеля старых досок, толстые трубопроводы, цветные кабели повисли жгутом, как спаривающиеся змеи. Не встретив человека и миновав свалку, вышел к воде. У дальнего пирса виднелся серый военный корабль, плавучий госпиталь. Ближе три громадных стальных цилиндра лежали в воде – подводные лодки.

Он рассказал, между прочим, о военной гавани Фрицу и Джеку. Вежливое внимание.

– Любопытно, сказал Фриц, глядя из окна на Якова, спускавшегося по чугунной лестнице, дом фирмы стоит на холме. – Любопытно, сколько могла бы стоить не новая большая дизельная подводная лодка?

– Миллионов восемьдесят долларов. – Джек налил коньяк.

– Господин Голубинкер простодушный и наивный человек. Не принимай его всерьез.

Яков не сказал, что лодку можно угнать, обмолвился – нет охраны. Идея родилась и зажила сама по себе. Под нее Яков получил очень большие деньги. Фриц и Джек ищут покупателя. Дело они зашифровали словом «Nebel“ – туман.

Что узнал этой ночь Борис. Ночью в Москве Яков убеждал: в порту лежит на брюхе лодка без флага. На нее могут претендовать и Россия, и Латвия, но она им не нужна. Германская фирма очень хорошо заплатит тебе, капитану, и экипажу за перегон корабля в Северное море. Далее она продаст подлодку аргентинскому военному флоту. Ты только перегонщик и отношения фирмы «Фриц и Джек» с Россией, с Латвией не твое дело.

– Проще угнать экспресс «Красная Стрела» Москва – Петербург.

Яков знал, Боря тщеславен, не худший из людских пороков. И любит службу. Он молодеет, когда корабль, развернувшись в гавани, малым пока ходом выбирается подальше от берегов.

– Выведешь лодку в Атлантику. Потом «Фриц и Джек» гарантируют капитанскую должность на флоте. «Пассажир» под тридцать тысяч тонн… Под твою подпись миллионные страховки. Первая в мире капитанская сотня, белая кость.

На этом вошла Таня.

– Здесь офицерский заговор?

– Да.

Борис отверг авантюру. Ночью нахлынули воспоминания. Вот он лейтенантом в первом походе. Холодно светает, проявляется линия горизонта. Высоко еще мерцают влажные звезды. На востоке разливается красный свет, незаметно светлеет вода. Для чего он, забыв многое, помнит холод утра и красный рассвет. Днем он застал себя выписывающим на листе: «Дифферент подлодки в 2,5 градуса при ее длине 150 метров вызывает изменение осадки на величину delta minus tangensKci = 3,2 метра“. И так далее. (Автор приносит извинения за непонятные, как абракадабра, строки. Он хочет показать: капитан не стоит с трубкой в зубах на мостике, вглядываясь в даль. Его работа и уменья во многом – прикладная инженерия). Независимо от себя и как бы играя с компьютером, решает прорыв в Северное море. Сколько часов хода над – и – под водой. В первые сутки выйти на линию Лиепаи? Потом пролив Каттегат, тесно и много судов, нырнуть. Он помнил цвета маяка Мосешер в начале пролива Скагеррак, затем Северное море. Вывел графики курса, как делал это последние пятнадцать лет, видя смысл и удовлетворение жизнью, для которой рожден. Видение капитанской каюты пассажирского лайнера не покидало. Погрузился в три тома «Судовождения на пассажирских линиях».

Яков снял на немецкие деньги офис на улице Первомай-

ской и дал объявление в газете «Эхо», доставлявшейся бесплатно в каждую квартиру Москвы: «Работа для моряков торгового флота, а также демобилизованных специалистов ВМФ». Гражданские моряки шли к Якову, он обещал фирме «Фриц и Джек» набрать три русских экипажа. Со вчерашними военными беседовал Борис. Его интересовали подводники.

Яша знал швейцарский ресторан на Дорогомиловской. За соседним столом обедали немцы и Яков поговорил с ними. – Хай, – приветствовал бармен, меня зовут Владислав. – Рано для водки, начнем с граппы? – Под пейзажем снежных Альп командир и старший механик спорили до полуночи о будущей команде, вычеркивая фамилии. Борис, не горячась, отверг торпедистов, артиллеристов, минеров – никакого оружия на борту. Яша настаивал на полном штате мотористов и электриков, что делало проект неосуществимым. Командир настоял – один работает за троих. Дело они назвали «Проект 21» по числу людей в будущем экипаже. Считая Виктора Иваненко и Павла Ивлева, которых Яков оставил в «Сохнуте». Он надеялся разыскать их в Риге. Яков передал командиру деньги, достанет на автомобиль.

Валдис Брешкис стал сотрудником Латвийского посольства в Москве недавно. И был озадачен. Уже неделю приходили каждое утро трое – четверо молодых спортивного вида мужчин. Они предъявляли оплаченные путевки в санатории рижского взморья и Валдис штамповал визы. На всякий слу-

чай он поделился с консулом.

Команда подводников постепенно собиралась в Риге. Яков селил их в разрушенной и неизвестно кому принадлежащей гостинице. Виктора Иваненко и Павла Ивлева он нашел в слесарной яме троллейбусного депо.

Все рухнуло, когда Борис и Яков, осмотревшись, пересекли причал и ступили на палубу крайней подлодки. Люки задраены и единственная дверь – ходовой рубки – заперта. Они долго служили на флоте и знали, в лодку проникнуть нельзя. Можно прожечь дверь прямым попаданием кумулятивного снаряда. Жалкое предчувствие охватило, они перебрались на вторую и третью лодку.

Наливались сомнительным пивом в заведении у порта.

– Ты механик или мудак, – сказал капитан, – должен был предвидеть.

– Командир предвидит.

Выпили еще, Яша вскочил: – Стерженек! Стерженек! Ударил себя по ляжкам, как танцующий баварец.

– Стержень замка повернут. Лодка заперта изнутри.

Два еще молодых полковника запаса прятались в пустом пакгаузе. Темнело, вода в гавани почернела и пошла мелкой и на взгляд холодной волной. Противно кричали, укладываясь на покой, чайки. План был: некто, или двое выходят из лодки. Яша вступает в переговоры, тянет время. Борис пробирается и проникает в лодку, затем – как получится.

Пошел мелкий нахрапистый дождь, дремали по очереди, рассвело. После пяти на палубу вышел человек в тельняшке, в руке автомат. Положив «калашников», пошел по малой нужде.

– Часовой! – крикнул Борис, выходя. – Пароль «водка». Зови начальника караула.

– Я сам себе начальник. Бросили меня, мать – перемать.

В лодке душно, пахнет пищей и загнившей водой, окурки прилепились к переборкам.

– Старшина второй статьи Иван Иванов, специальность торпедист. Оружие «калаш», патронов не дали. Вверенное к охране и обороне имущество – три подлодки. С ключами.

– Да ты Иван Сусанин. Как без армии прожил?

– В гавани еще человек живет, на плавучем госпитале. Он меня кормит. Там электричество с берега.

– Тащи лист бумаги, я тебя демобилизую. Капитан первого ранга Ковалев Б. Н.

Назавтра он отвез Ивана на рижский вокзал, наказал до России из вагона не выходить, о службе не говорить. Возвращаясь на лодку, понял эпопею матроса. Пока на корабле остается хотя бы один моряк, судно принадлежит флагу. Брошенное экипажем, оно в морском праве именуется «трофей» и может быть захвачено. Оставляя Ивана, кто – то мечтал вернуться. Вернулись они.

Латвийская разведка «Сардзе» – консулу Латвии в

Москве. «Названные вами лица пересекли границу, но по путевкам в санатории рижского взморья не прибыли. По нашим данным, их около двадцати. Сообщите все имеющиеся сведения и фото».

Командир определил отход через неделю. Развернулся Яшин технический талант, он комбинировал оборудование трех лодок для одной. Беспокоил таинственный жилец госпитального судна, он конечно видел суету, погрузку продовольствия, портовый буксир сливал в лодку соляр. (Таяли деньги Якова). Наблюдатель мог сползти в свидетеля. Борис заранее решил в конфликты с латвийской властью не вступать. Веря в свою звезду, он приказал, он мог сейчас приказывать в складывающемся по – военному экипаже, обыскать госпитальное судно. Этого человека Виктор и Павел взяли в госпитальной каюте. Картины и коврики, белье, настольные лампы, сервиз из кают – кампании, лекарства лежали здесь грудами. А также рваные джинсы и вспоротые консервные банки.

Толик Липкин закончил почему-то институт физической культуры, выбрал его, посмотрев по телику футбол. В советское время зачем-то преподавал физкультуру в школе. Там завел опасный роман с пятнадцатилетней и надо же, девочка на его уроке сорвалась с гимнастических брусьев, из школьного зала увезли в реанимацию. Толя клялся в суде – был у пятнадцатилетней не первым, никаких развратных действий, и это правда. Но прокурор приберег козырь:

в школе украдены два числившихся за Толей фотоаппарата. Он отсидел два года и вышел из тюрьмы «Браса» в новый мир полиции, частной торговли, бесчисленных меняльных контор и ларьков. Они предлагали цветные жидкости, похожие на яд. Еще в советское время дом, где жил Толя, поставили на капитальный ремонт, сейчас он ничей без дверей и окон. Толя забомжевал. Озолотился, случайно забравшись в брошенный госпитальный корабль, он стал его трофеем. Продал бормашину и зубоврачебное кресло, затем гинекологическое. За продукты помогал матрос с подлодки Иван. Разобрать и вытащить рентгеноаппарат они не смогли, Толик продал стерилизаторы и скальпели.

Борис пришел с бутылкой «столичной» и Толя захмелел. Показал отпечатанный на папиросной бумаге приговор суда, какие-то жалкие благодарности за внеклассную работу. Толя выпил еще и спьяну поцеловал руку командиру. Тот стерпел. Договорились, пока лодка не уйдет, Толя живет в госпитальном судне на всем готовом, но под замком. Толя дал слово. Слово не тетка, не вырубишь топором. Борис выложил деньги. Еще он охотился за морскими картами и лоциями, без того с места не двинуться.

– Ключ от штурманской комнаты?

– Типа три лата вход.

– Полтиничник ты, Толя. Дал десять латов.

В штурманской пахло выгоревшей на солнце бумагой. Он посветил ручным фонарем, взял карты Балтики и Северно-

го моря, на всякий случай Ла-Манш и побережье до Гибралтара. Любил морские карты, украшенные розой ветров. За чертой берега безжизненное белое поле без городов, дорог и гор. Жизнь в синих глубинах. Со стуком упал на Бориса глобус звездного неба. Взял его тоже, кто знает, под какими звездами придется всплывать.

Днем не отходя от стенки запустили двигатель, дизели бодро застучали. Он расписал на завтра пробное погружение в Рижском заливе, но вмешалась судьба. Иридий, бесценный серо – белый металл. Он регенерирует воздух в плаванье под водой. Виктор Иваненко нес иридиевую батарею с одной лодки в другую, шагов за сорок. Споткнулся на мокром пирсе и уронил громоздкую батарею. Иридий бесцветно, бесшумно вспыхнул, словно ждал свежего морского утра. У всех на глазах Витя бросился с низкого пирса в воду и не сгорел, только обжег руки. Бежал, матерясь, Павел. Яков подогнал на пирс «жигули». Потрясающие связи у него, через час принял Виктора врач и записал «бытовая травма». Спрятал в больнице. Их осталось двадцать. Борис впервые за две недели отменил все работы.

Ночью исчез Толя Липкин.

Донесение разведки «Сардзе» военному министру Латвии. «Ночью обратился в полицию и доставлен к нам Анатолий Липкин, без гражданства, без постоянного адреса. За небольшое вознаграждение он показал: группа российских моряков, несомненно военных, готовит в море подводную

лодку бывшего советского флота. О дальнейших планах русских А. Липкин не знает». Министр не любит разведку, не понимает ее обрывистых ходов. «Сардзе» – скопище интеллектуалов, получающих деньги за поиски немыслимых врагов. Министр завтра вылетает в Швецию на Форум народов Балтии. На донесении он написал «Маловероятно?» и попросил адъютанта передать бумагу командующему военно-морских сил.

Под вечер дважды прошел в сторону военного порта полицейский автомобиль. На лодке объявили получасовую готовность, смеркалось. Дали ход от причала и тут же пронзительный скреб на пределе человеческого слуха, лодка коснулась дна. За кормой поднялась тина, тряпье, рвань всплыла, обрывки сетей. Сидим кормой на мели в сорока метрах от пирса. Полицейские осветили фарами, кричат что-то. Подойдут на катере или на шлюпке. Борис вспомнил стародавний, дедовский прием и скомандовал, дело шло на минуты – всем бежать в нос лодки. Двадцать душ – более тонны веса. Он чувствовал свою стальную сигару, она чуть заметно клюнула носом и корма на сантиметры поднялась. С пирса раздался предупредительный трассирующий выстрел в сторону выхода из гавани. Дали «средний вперед». Вновь скрежещущий звук трамвая на повороте, усиленный водой.

Лодка шла свободно. Еврей – атеист Яков перекрестился. Скрылся берег в устье Даугавы, лишь мерцает проблесковый маяк. И он не виден. Борис почувствовал энергети-

ку своей власти. Ее момент наступил, потому что люди в длинной стальной посудине зависят от его решений и воли. В узкости Ирбенского пролива устремились без ходовых огней, волна покрыла лодку до рубки. Он ушел мористей, минуя Вентспилс. В открытом море пробно нырнули на малую глубину. Застучала капель под шестым шпангоутом, прекратилась. Царил хаос неожиданного отхода. Буханки хлеба в спальных гамаках, куртки навалом, ящик сгущенки, канистры виноградного сока. Консервная гора. Все найдет место, освободится единственный узкий проход от носа через центральный пост в машину и наконец в корму. Параллельно ему с двух сторон узкие койки в два этажа. Вечером травили байки. Завелись с идиотского спора: ворон – муж вороны – или другая птица? Перешли на небылицы.

…Всплывает подлодка рядом с пассажирским лайнером.

– Эй, на «пассажире», где у вас тут Дарданеллы?

– Держи зюд, зюд – вест.

– Что ты зюзюкаешь, ты мне пальцем покажи!

… – Ты когда-нибудь трогал силиконовую грудь?

– Да.

– И как ощущение?

– Вибрирует как перегретый сальник главного двигателя. Срочно надо менять.

В морском училище. – Курсант, как относится тангенс к котангенсу?

– По дружески, товарищ капитан третьего ранга.

Всплыли в полный штиль и вязкий туман. Невидимое солнце садилось, тихий туман розовел. Ждали условленного радиосеанса с аргентинским судном. На позывные «Проект 21» адрес УКВ – станции заказчика молчал. Отозвался передатчик F + D – Гамбург-порт: «Приняли ваши координаты. Возьмите семь миль на норд от острова Дюне. Готовьте встречу». Гамбург различался глухо, как медленный металлический скрип. Отлично слышно БиБиСи. «На форуме стран Балтии в Стокгольме военный министр Латвии сенсационно заявил об угоне подводной лодки. Впервые международная общественность столкнулась со столь дерзким похищением».

– Субмарины такого, несколько устаревшего типа, тем не менее могут нести атомные боезаряды – отметил сотрудник Скотланд – Ярда. – Не ясно, где и кем подготовлены не менее семидесяти опытных подводников. Британское Адмиралтейство полагает, лодка обогнет Африку». («Утка» для прессы. Адмиралтейство вывело часть эскадры в Северную Атлантику в стратегический треугольник Оркнейские – Шетландские – Фарерские острова). Американский флот усилил блокаду Персидского залива.

Коротко всплывали каждую вторую ночь. Минуя Ла-Манш, шли на север до норвежских вод и потом широкой дугой на юг, оставляя слева Ирландию. Здесь всплыли в шторм. Лодку валило на борт. Увидели вращающийся вокруг себя водяной столб, уходящий из моря в свирепую тучу. Тонкий

из поверхности воды, смерч вертикально поднимался в небо, расширялся и шапкой гриба вползал в тучу. Море улеглось, стало тихо, безветренно и жутко.

Лодка дрейфует у островка Дюне против французского побережья, в ожидании. В полдень заметили самолет со стороны солнца и довольно быстро погрузились. В последний раз ударила волна в рубку, в глубине настала тишина. В центральный пост пришел Яша.

– Ребята вещи пакуют. Когда?

– Центральному посту – лодка подвсплывает.

– Центральному посту – перископ чист.

– Центральному посту – рубка чиста.

За десять минут до назначенной встречи вынырнули в туман, он вылился мелким теплым дождем при ярком солнце. Быстро подошел мощный катер. Четверо поднялись на линейку перед рубкой. Не моряки. Не аргентинцы. Один взмахнул автоматом – погружайся, дважды выстрелил в воздух. Пришли истинные покупатели? – Борис прислушался к гортанной речи и понял, главного зовут Керим. Самый опасный. Керим бросил на штурманский столик измятую карту. Сказал по-английски: идем здесь и потом здесь. Довольно грамотно вычерченный курс на Бискаи, Гибралтар и Средиземное море, порт Триполи. Ливан.

– Здесь не пройдем, военная база – капитан показал на Гибралтар.

– Мы свои жизни не ценим, потому вы нас боитесь. Дро-

жите, как псы.

Керим смотрит в глаза Якову. – Израелит? Яша молчит. Керим позвал своих. Они спорили, размахивая автоматами, указывая на Якова. Лицо Керима наливалось бурой ненавистью.

– Где восток? – спросил Керим. – Капитан неопределенно махнул рукой. Мусульмане встали на молитву.

– Они будут пытать и убьют меня в Ливане, станут торговаться за мой труп и Вале не отдадут. Бросят собакам.

– Выждать, Яша, чтобы выжить. – Большего Борис обещать не мог.

Сообщение разведки «Сардзе» военному министру. «При попытке пересечь латвийско – российскую границу задержан гражданин России Виктор Иваненко. Вероятно, участвовал в подготовке кражи подводной лодки, но получил травму (ожоги). Никаких показаний, несмотря на меры многочасового допроса, не дал. От встречи с атташе Российского посольства отказался». Военный министр, предвидя политический накал, информировал премьера. На закрытом заседании Кабинета высказался глава разведки.

– Господа, полагаю, на процессе этот русский будет молчать. Приговор окажется вязким и основанным на показаниях ранее судимого, ныне подозреваемого в ограблении госпитального корабля Анатолия Липкина. Проще судить Иваненко за попытку нелегально пересечь границу.

Председатель Кабинета министров, министр – президент:

– Судить и выслать к… Препирательства с российским посольством нам ни к чему. Также о проблеме в целом. Я думаю, дело о подводной лодке более не возбуждать. Осторожно сообщите об этом в прессу.

Вечером Керим заставил Якова вымыть ему ноги и воду выпить. Бил долго и нещадно. Не из извращенной фантазии, но унизить и запугать всех. Оставалось закрыть глаза, чтоб не видеть. Против «калашникова» нет приема. Утром всплыли подышать, мощно продули лодку. На мостик поднялся Яков, голова тряслась после вчерашнего унижения. Бледный, сутулый опустившийся толстяк разговаривал сам с собой, помогая руками. Тянулся к чему-то, не дотрагиваясь.

Свежело и шли вдоль португальского берега. Виден дом над красными скалами. При отливе между скалами обнажились крохотные пляжи. Глубоко проторенные желтые тропинки и за городком красно – белая полосатая башня маяка. Яков высвободил из-под бушлата ракетницу и выстрелил в воздух. Красная ракета, сигнал бедствия, пологой кривой прочертила близко и зашипела в воде. Яков повалился: замок ракетницы небрежно закрыт и пламя хлынуло, обжигая голову и грудь. Пронесли вниз и положили на стол в кают – кампании обожженное и роняющее кровь тело. Яков умер. За всю свою мирную военную жизнь Борис впервые близко увидел смерть. Погиб не на войне. Якова похоронили в море, он записал широту и долготу. Ничего более сделать для Яши он не мог.

До этой минуты Борис принимал как данность простое понятие – жизнь первичная ценность. Керим попрал собственную жизнь и готов умереть. И убивать. Прервалась причинно – следственная связь: не убивай, да не будешь убит. Исчез первоначальный уровень отсчета и Керим непобедим?

Ночью коротко всплывали, судовой передатчик автоматически вызывал УКВ-станцию «F + D Гамбург – порт». Безысходно, как радиосигналы наудачу в космос в поисках братьев по разуму. В стальной медлительной сигаре складывалась сожизнь с террористами.

В минуту общим врагом могло стать море. Они его боялись. Ревун возвещал погружение и они молитвенно подносили ладони к лицу. На лодке была лишь треть экипажа: свернули гамаки, не спали в койках по двое, по очереди вахт. Но кому нужно на камбуз или на корму, пройдет по узкой тропке и протиснется лицом к лицу, ощутит запах и оставит свой и посмотрит в глаза друг другу. Едим из одного котла. Не умыться, экономя пресную воду. Оботрешь лицо влажным полотенцем. От сырости и грязи жди мерзость фурункулов. Пахнет кислотами из аккумуляторной ямы, и затхлой водой. От дизелей волной несет соляром… Безоглядная решимость четверых тускнела. Деньги Якова они не нашли. Капитану кажется, Керим понимает по-русски, лицо выдает. Естественно как-то сказалось:

– Подвинься, Керим. – Тот отошел к переборке.

Ночью говорили по-русски. Керим – грузин, Автандил.

– На Кавказе мода была – необычные имена мальчикам давали. Мои друзья были Робер, Гойя, Руслан, Мане. Говорят, два Бонапарта было. Наполеон тоже.

Автандил верил первому грузинскому президенту, диссиденту Звияду Гамсахурдия, охранял его, любил. Президента свергли. С ним Автандил бежал в Чечню, Джохар Дудаев прислал самолет.

– Я отговаривал Звияда возвращаться в Грузию. В деревне Двэли Хибалия его убили. Автандил вступил в вооруженные отряды мхедриони. По-грузински «рыцари». На груди носил медальон святого Георгия. Командовал Джаба Иоселиани, черт оказался, собака. Потом война с абхазами. Мы убивали, грабили тоже. Нас убивали. Никогда такого в Грузии не было. Второй президент был Эдуард Шеварнадзе. Летом решили его убить, я был против. Покушение не удалось. Шеварнадзе объявил мхедриони вне закона. Многие наши в тюрьме. Меня ваххабиты переправили в Ливан. Узнал, принял ислам.

Вера не ввела в берега бурную душу Автандила.

– Суру тебе скажу, называется «Наср»: – «Когда подоспеет помощь Господня и наступит победа и когда увидишь ты, что люди станут толпами принимать Веру Бога, то воздай хвалу Господу твоему и проси у него прощения, ибо прощающий Он».

– Еще суру скажу. Называется «Кяфирун». «Скажи, Мухаммад: – О вы, неверные! Не поклоняюсь я тому, чему по-

клоняетесь вы, а вы не поклоняетесь тому, чему поклоняюсь я. Вам ваша вера, мне же моя».

Бискайский залив позади. Один из четырех постоянно сидит в центральном посту, положив автомат на колено. Переборки между отсеками открыты и другой наблюдает с кормы, стрелять могут спереди и сзади. Двое спят в носовом кубрике. Они выгнали моряков из носового отсека и там живут. Роковая ошибка, рожденная искренним презрением к побежденным. Борис приговорил их.

– Медленно везешь – сказал Керим. – Террористы о чем-то спорили в своем закутке. Они вчетвером, и четыре автомата в носовом отсеке. Он крикнул без голоса: давай! Павел с грохотом захлопнул люк жесткой переборки. В носовом отсеке глухо выстрелили. Они умрут там вскоре от голода, жажды, нехватки кислорода, в собственном кале и моче. В носовом отсеке стреляли.

В центральном посту раздался зуммер. Он полагал такой вариант, Автандил вспомнил о телефоне. Командир мог не подымать трубку; отключить. Что этому мешало – человеческая значимость и мощь террориста? Что он скажет в предсмертный час. Просить ни о чем не будет. Борис убежден, Керим – Автандил готов умереть. Снял тяжелую, удобную в руке телефонную трубку.

– Слушай, полковник, ультиматум. – В голосе ни злобы, ни отчаяния. – Передадим автоматы прикладом к вам, дулом к себе. Вам не опасно. Высади нас у побережья на надувной

плот.

– Пощады просишь. Яков погиб.

– Зачем пощады. Мы патроны расковыряли, порох рассыпали. Подожжем матрацы, вата с порохом полыхнет. Я сгорю, ты утонешь. За деньги жизнь отдаешь… я бы много дал, не нужны они тебе.

Медлить – смерти подобно. Инстинкт жизни, дремлющий в геноме человека, молнией проснулся. Приказал открыть забортную воду в нос лодки. Решительно и очень опасно. Слышно, как ринулось в лодку море. Она медленно погружалась, склоняя форштевень. Скольжение в глубину усилилось. Пол в центральном посту устремился к потолку. Он смотрел на приборы, без того чувствуя длинный стальной силуэт в пространстве. Через томительное время лодка повисла в ста пятидесяти метрах от солнечного света. Можно осторожно всплывать, вытесняя воду сжатым воздухом. На сколько его хватит. В запертом носовом отсеке все мертвы.

Первый порыв был идти обратным курсом и высадиться на ночном берегу в России. Назывался глухой песчаный пляж у курортного поселка Отрадное. Многие подводники служили в Балтийской базе под Калининградом и знали эти места. Борис помнил сладкую тишину высоких дюн. Холодное море… Отличная легенда: офицеры запаса возвращаются с летних сборов. Далее калининградским самолетом на русский континент. Красиво. Натянуть нос эскадре НАТО.

– Мальчишество, сказал он себе. – Лодку ищут и само-

леты в конце концов найдут. Срочно избавиться от нее. Командир не мог знать, что с выходом Латвии из игры поиски не столь интенсивны. Он предложил, приказывать он уже не мог, скрытно высадиться группами вблизи портовых городов и в разных странах. Легенда: иностранные торговые моряки добираются к месту работы. У всех международные паспорта моряков – последний привет Якова. В припортовой гостинице они не привлекут внимания. Далее поездом по Шенгену до крупного аэропорта. На лодке три надувных спасательных плота лежат оранжевыми кулями. Следовательно, по – шестеро на плоту и в последнем еще Борис. Он сказал их готовить: пресная вода, продукты, сигнальные ракеты. Аптечка. Вряд ли все понадобится, он выбрал места, где лодка могла бы лечь в дрейф в четверти мили от берега. Раздал почти миллион Яшиных долларов, отложив и вдове Вале. И Вите Иваненко, который, может быть, гуляет по Москве?

Первые шесть моряков высадились у португальского порта Виго, ушли без сожаления, уставшие и безнадежные. Спустились на резиновый надувной плот, исчезли в темноте. Глуше плеск весел. На еле видной кромке берега дважды вспыхнул фонарь – дошли. Увидимся ли? Под траверз испанского Бильбао шли под водой двое суток. Их осталось тринадцать на борту. Лодка плохо управлялась, в чужой и не подвластной людям стихии заметно ее несовершенство.

Ночь лунная и командир опасался близкого берега. Во всем походе он боялся всплыть под чужой радар. Отклады-

вать нельзя. Прощался с ребятами, но наверх не поднялся, не мог. Лежал в соленой от пота койке. Силы оставили, в голове накатывала боль.

– Это наш Дюнкерк, – думал он, когда ушли очередные шестеро. (В начале войны немцы прижали англичан и французов к морю у Дюнкерка. Рыбачьи траулеры и моторки беспорядочно подходили через Ла-Манш. С пляжей солдаты по грудь в воде брели к ним. Офицеры распускали роты: – Действуйте на свой страх и да поможет вам Господь). Тяжесть ответственности стала физической болью и не покидала.

Семеро затопили подлодку на порядочной глубине в виду городских огней французского Бордо. Отплыли на плоту и услышали глубокий, мощный вздох, страшное а-а-ах, будто стон. Воздух рвался из погружавшегося корабля. Шли к берегу и уткнулись в чуть выступающий из воды каменный мол. Никак к нему не подгрести, отлив тянет плотик в океан. Берег недалеко, собака лает. Павел выждал, когда вода подняла плот, бросился в ночное море и поплыл. Вот он в сумерках на берегу, исчез на долгих десять минут. Значительно правее сигналит – чисто. Борис догадался, всего-то ограждение для купальщиков, мать-перемать.

Таня ездит на другой конец суматошной Москвы. С уходом Бориса и Якова «Бюро труда моряков» на Первомайской улице не закрылось. Она говорит кратко тридцати – сорокалетним, уже повидавшим конторы по найму крепким мужикам:

– Оставьте телефон, мы вам перезвоним. – Более ничего она не может. Поток иссякал, Таня не решалась закрыть бюро. Об угоне лодки прочла в газете и поняла: они. Пришла на Первомайскую, чтобы закрыть контору навсегда. Перед дверью на корточках спал человек. В несвежей одежде, кисти рук в посеревших бинтах. Валялась на земле на сигаретных окурках сумка с английской надписью «Мне повезет».

Витя Иваненко рассказывал о подлодке. Ждала: зачем и куда ее погнали. Этого он не знал. Знал о больнице, он был подпольный ожоговый пациент. Шел потом к российской границе и оказался ненадолго в рижской тюрьме. Опознал в незаметном зеке Толю Липкина. Тот каялся – выдал моряков полиции и, нетрудно понять, контрразведке. Плакал и бил себя в куриную грудь. В тюрьме Витя жалел собак. Они гремели цепями вдоль внутренней невысокой стены. Бросались на заключенных, тренированные: человек, пахнущий камерой, отнимет миску. Ее и сторожили. Говорили, тюремные псы на цепи больше двух лет не живут.

Таня почувствовала, муж ушел опасно и надолго. Он называл Тане гамбургскую фирму «Фриц и Джек».

Вите некуда идти в Москве и не с кем говорить о жене и дочери. Беззаботные, они прожили годы за его деловитой настойчивостью и сейчас, он уверен, ни на что не могут решиться. Жена растерянно собиралась учительницей в русскую школу, да вот беда, к тому надо знать латышский язык. Виктор преувеличивает возможности и интерес раз-

ведки «Сардзе» к делу, и потому лишь однажды позвонил из Москвы.

Витя стоял у ее двери жарким полуднем начала осени. Деревья за окном ожидали осенней грусти. Тихо на втором этаже, окна открыты в сад, словно и не в Москве. Говорили за столом, Вите легального въезда в Латвию нет. Найти в Риге надежного человека и вывезти семью до граничного русского города Себежа. – Лишние предосторожности, – подумала практичная Таня.

– Пожар, больница, тюрьма и суд его надломили. Деньги она даст. Витя глядел смущенно, неотрывно… безнадежно. Обсуждали, скоро ли ждать Бориса Николаевича, через две, три недели? Витя встал и подошел, неровно ступая. Поцеловал, откинув ее волосы, в нежную шею. Она не подозревала, поцелуй у корней волос так сладок. Уносимая осенью за окном и осенью своей жизни, Таня не отстранилась.

Борис о несчастной вдове Вале и думать не мог. В первые дни в Москве он не видел ничего. Знакомые стены, выхоженный текинский ковер на полу, помнил, что привез из Средней Азии. Видел жену, сына, но из другой жизни. Получив условленные письма от ребят, стал спокойней. Радист по своей воле остался в Германии. Полагает завербоваться в море от фирмы «Фриц и Джек». Дизельный механик перебрал в мадридском аэропорту, на третий день прилетел в Питер без денег. Испанцы обобрали, но выпустили. В Питере ребята скинулись ему на первое время.

Таня больна сумраком мужней души. Повела в мужской магазин и в неделю одела в «Кемел актив» и «Борисаль».

Случайно прояснились надежные связи Виктора в Москве. Сослуживцы его отца, морские офицеры в хороших чинах. Она заставила рыжего, застенчивого Витю пойти и попросить… за Борю. Ему легче просить не за себя. Мужу обещали работу. О Витиных связях он не знал.

Таня решилась на свиданье в гостинице. С утра на целый день и конечно в первый и последний раз, ночью надо домой. Росло ее желание, до дрожи в кончиках пальцев. Мир чувств загадочен. В вестибюле хорошей гостиницы Таня заняла кресло и наблюдала. Подойти к намакияженной девице и заказать номер на сутки на двоих, паспорт московский. Та и виду не подаст, в глазах исподволь сверкнет усмешка. Пройти в номер под ее взглядом, с молодым рыжим Витей. Процедура не по силам. Безрадостно.

Дома она сняла связку ключей от дачи. По Москве за рулем сидела сама. За городом пересел Витя. Нехотя согласился и сразу видно, на чистой дороге не умеет. Терпела, пока поездка не стала опасной. Она грезила праздником чувств и нежности. На лице его читалась сосредоточенная неловкость. Еще вчера горел факелом.

Через бензоколонку развернулась на Москву.

Жена и дочь Виктора вернулись из Латвии в Россию. Встречаясь с ними, Таня испытывает некоторое смущение; этого никто, кроме Вити, не замечал.

Ее перламутровые острые зубки не потускнели с годами. Решила на неделе ехать в Гамбург. Искать словоохотливых конкурентов и скрытых недоброжелателей фирмы «Ф и Д». Месть Фрицу и Джеку саднили сердце. Они представлялись смрадными мутноглазыми чудовищами. Не узнавала себя в злобе. В Гамбурге остановилась у бедной Вали. Однокомнатный апартамент с окном в хилый сад. С потолка на цепях висит кровать. Уперев ноги в стену, раскачивайся как на тугих качелях. Разговоры о Якове Таня не поддерживала. Кормила Веру, мыла. Спрятала три коробки ее снотворного.

Прошлась по бутикам и оценила «диндрл». Немецкий деревенский убор, простенькая вышитая кофта, юбка до пола и непременно нарядный цветной фартук с поясом. Если завязан бантом слева – замужняя. Если справа, старайся понравиться. Нижняя юбка длиннее верхней, из – под подола белые кружева. Откровенно и нежно обнажив грудь, немецкий низкий лиф сделал ее большой и мягкой, вопреки католическому ханжеству, тридцатилетней войне, аскезе Лютера. В ее годы смело для Москвы, разве что на дачу. Шагнешь по лестнице, или грязь на дороге – приподнять юбку, очень женственно. И отвечает образу милой, доброй, полнеющей и, увы, стареющей блондинки, который она для себя примеряла на будущее.

Таня прилепилась к бару на набережной. Днем он пустовал. Она заказывала опасное при ее полноте пиво. Молчала у окна. Видно Эльбу, прогулочные и большие пароходы и

пузатые буксиры движутся медленно, будто на старом экране. Бармен принял за иностранку, не знающую по-немецки и сказал официанту:

– Понаехали тут всякие.

Обедал пожилой среброголовый немец. Ел красиво, видна порода и семья. Заговорил с Таней и, услышав легкий акцент, расспрашивал о Москве. Рассказывал о гамбургских кабаре, в них соль народного характера. В одном из них начинали в шестидесятые годы четыре мальчика из Ливерпуля – битлз.

Предложил встретиться завтра вечером.

– Встретимся в этом баре. Я – Хорст. Журнальный фотограф.

– Ищете див для обложки? Я не фотогенична.

– Нет. Любуюсь вами.

«В моем возрасте мужское внимание как бальзам» – думала меж тем Таня. И охотно согласилась.

Предложение было неожиданным – Reeperbahn – Рипербан по-русски.

– Главная городская достопримечательность – сказал Хорст.

Таня думала красться в гнездо порока по пустынным улицам, под красными фонарями. Вечером от станции метро «Рипербан» катила в тот самый квартал тысячная толпа мужчин. Женщины в джинсах, иностранцев много. Шли по асфальту и тротуарам во всю ширину улицы. Кто же их… об-

служит, думала Таня. Дома неказистые, как забытые детские кубики. Но море блеска и огня реклам. И жрицы, действительно, кое-где стоят и прогуливаются. Профсоюз немецких проституток не объявляет забастовок. Где печать вульгарного порока? Толпа постепенно редеет в клубы, дома свиданий, секс-шопы, театр «Тиволи», ему почти сто лет. Пивная, тоже можно познакомиться. Шутя и всерьез торговаться о продолжительности и манере… сеанса. О цене. Деревянная лестница во второй этаж в свободные комнаты. Пьяных не видно, не торгуют подозрительно марихуаной.

Они перешли улицу у «Эротик бутик», дорогого европейского секс – шопа. Таня в нахлынувшем молодом веселье рассматривала витрины. Шли под тысячей рекламных грудей и задов. В огнях реклам казино, биллиардных, гей-клубов, отелей с комнатами на четыре часа. Мимо бомжей с матросскими наколками на руках. В бесконечных «Живых шоу» – блондинки под Мерилин Монро. Бедная Мерилин, ты открыла сундук Пандоры и сама погибла.

На известной улице, действительно, сидят за стеклянными витринами женщины, вяжут, полируют ногти в ожидании. Затем гаснет свет. Полицейский остановил Таню, на эту улицу вход женщинам воспрещен. Бывает, из мезонина водой обольют. Или еще чем… Неуютно Тане. Не по-нашему, машинерия. Протиснулись в кабаре «Мата Хари», Хорст совсем как в Москве, дал швейцару «на лапу», посетителей полно.

Итак, два ковбоя (красавцы, хорошие голоса) узнают о мешке золота в индейском племени. Индианки – кордебалет, роскошные костюмы и перья радугой. Прима влюблена в ковбоя и пытается соблазнить – танец соло. Ковбои спасаются в женском монастыре. Поют о родных просторах: «О Роз-Мари, о Мэри, / Цветок душистый прерий,/ Твои глаза как небо голубое / Родных степей веселого ковбоя!.. Тем временем настоятельница – (гран – дама, сопрано) убегает с комическим любовником. Монахини дружно сбрасывают черные робы и канкан в чем мать родила, почти. Ковбои побеждаю индейцев и старый вождь (бас) проглатывает золото. Но ковбои поят его касторкой и под аплодисменты возят по залу на унитазе. Только и всего, Таня ушла помолодевшей. Поцеловала Хорста, но не так. Он понял.

Обязательный на пути Пивной сад. Разносят «масс», тяжелые кружки пива. К пиву идет «хаксен», всенародно почитаемая и обожаемая свиная ножка. Американка за соседним столом спросила по-английски. Любезный официант не понял. Поразмыслив, американка сказала хрю-хрю, завернула платье и показала бедро. В Гамбурге, в районе Санкт Паули на улице Рипербан никто не рассмеялся. То ли здесь видели.

Vielen Dank, Reeperbahn. Und lebe wohl. Спасибо, Рипербан. И прощай.

Они поплелись, поддерживая друг друга от усталости, вдоль спящих пароходов. Эльба раскачивала темные яхты миллионеров.

Рыбный рынок открыт в четыре часа утра. Сели за столик и ели свежайшую сельд. Громогласный, видный мужик продает рыбу корзинами. Корзина еще пуста, и торговец объявил ей цену. На глазах домохозяек и туристов снисходительно бросает рыбу за рыбой, медлит… еще вот эту. Корзина наполняется. Его шутки и речевки на злобу гамбургского дня невозможно перевести. Немцы смеются, туристы спрашивают – что он сказал? Продавец с наигранным сожалением бросает рыбу в уже полную корзину.

– Корзина продана женщине в белой юбке, отличная покупка для вас, уважаемая фрау.

Простая радость жизни.

Ночью в валиной комнатушке Таня была с мужем. С его наивной и плоской душой. Твердо – благородной. Простая душа, не умеющая учиться, упорно далекая. Таня не помнила его страсти. О Кате в Саломбале она знала. Однажды летом обошла по деревянному тротуару, утонувшему в песке и пыли, ее дом. Жарко пахло нагретым деревом, в пыли рылась собака. На крыльцо вышла старая женщина, смотрела на городскую Таню. Злорадно, предвкушая скандал, усмехнулась:

– Дома Катя, дома! – Таня ушла.

С Хорстом гуляли в сладкой тишине высоких дюн. Сосновая кора отливала красной медью. Шли по песчаной дороге в мелькании света и теней деревьев, в настое хвои и смолы. Уносимая жарким летом, и осенью своей жизни, Таня решилась.

Небольшая квартира Хорста за озером в Альтоне, в трех этажах. Сплошной белый модерн. На стене по лестнице одна выше другой черно-белые фотографии мужчин, женщин в одиноком тихом раздумье. Много раз – усталая актриса в сценических костюмах. Потом грустные звери и зверята. Обойдя по крутой лестнице, Таня не обнаружила за стеклянными плоскостями и керамическими абстракциями и тени жилого. Гарсоньерка.

Хорст упомянул, что трижды был неудачно женат. В первые семейные недели думал: с этой женщиной связан до последней земной минуты. С ней он простится перед вечностью. Через год кружева на белье казались нечистой чешуей. И это, в общем трагично.

Непринужденно и тонко он заговорил о сексе. Под локоть вовлек в ванную комнату.

– Я видел столько раздетых женщин, что меня волнует, когда они одеваются. – Хорст вышел. Умная Таня поняла – ее ждут голой. Она же привыкла к иному. ОН – подробно о самом себе. О комплексах и горестях, с жалобами на холодно – леденящую жену. Карьера не удалась – «я слишком порядочен». Нужно активно сострадать. Потом о ЕГО женщинах с юношеских лет, и немного о собеседнице. ЕГО надо пожалеть, а уж потом. Впрочем, привыкать было не к чему, пара сексуальных приключений за всю Танину женскую жизнь. Она не знала, с глобализацией этот путь стал короче. Таня увидела нечто светло – болотно-зеленое и воздушно –

ночное. Щадящий вариант – выйти полуодетой. Ужасно захотелось примерить у зеркала. Она быстро разделась. Длинная хламида, можно хотя бы закутаться… Штанишки очень и слишком откровенны. Таня отложила светло-болотно-зеленое в сторону и оделась. Через вежливых полчаса попросила вызвать такси, он безропотно набрал телефон.

В такси Таня ругала себя старой дурой, устроила водевиль с переодеваниями. Увы, жизнь не кабаре. Бедный милый Хорст.

Ждала в ближнем кафе. Небольшой дом фирмы стоит на пригорке. По чугунной лестнице спускается пожилая дама. Держится за перила. Есть что-то, определяющее русских и за границей. Таня окликнула и увела референтку Аду на парковую скамью. Еще не очень доверяя, рассказала узнанное от мужа, преуменьшая умысел Якова и Бори. Оправдывала их мысленно: в стране крадут миллиардные заводы, реки нефти. Так время обернулось.

– Редкие суки Фриц и Джек, – сказала доперестроечная доктор филологии Ада. – Яков погиб, я ему симпатизировала. Моложе я влюбчива была, годами сгорала по певцу Георгу Отсу. А видела всего два раза. Теперь Яков. Встретимся завтра, я кое-что поищу.

Следующим вечером Ада выложила на парковую скамью толстый пакет. Она искала документы фирмы «Фриц и Джек». Жутко ночью в пустом доме… Оленьи рога на стене шевельнулись. Черная молния пролетела. Трубка Джека по-

катилась по столу и прожгла ковер!

– Стандартный фильм ужасов, – подумала Таня. – После полуночи Ада уверилась, Якова использовали в темную, аргентинский заказчик – туфта. Нет обычной переписки, записей переговоров, пометок в настольном календаре. Ада это предчувствовала. Нашла в компьютере новую, защищенную от взлома папку. Называется «Nebel“ – туман. Бессмысленно, папка уже пуста. На случайной бумажке обрывки черновика: «подводная лодка», «Ливан», расчеты в сотнях тысяч долларов.

– Ливан – жестокий терроризм, – Таня похолодела, вспомнив о муже. Чудо спасения. Впилась точеными ногтями в ладони.

– Прикасаться к делу «Туман» опасно. Я принесла другое.

В быстрой речи Ады мешались злоба и страх. Прохожих в аллее не видно, Таня возбудима к чужой психике. Знает за собой – поговорив с безногим, уйдет хромая.

Ада вскрыла пакет. Читали под парковым фонарем: Фриц и Джек зафрахтовали старый советский сухогруз под марганцевую руду из Керчи и наняли дешевый русский экипаж, сэкономив на страховке. На вторые сутки моряки отравились испарениями марганца. Поставили судно на мертвые якоря и послали СОС. Ближайший порт Ялта, моряков развезли по больницам. Причина в особых условиях перевозки марганца, русские на корабль не вернулись. Фриц и Джек наняли турок и филиппинцев, угнали арестованный корабль.

Нокаутирующий удар по репутации фирмы и возможен судебный иск.

– Подарите эти документы, Ада… отдам в газету.

– Меня уволят с понедельника.

– Купим вам квартиру в Колпино или Пушкино под Петербургом. От фирмы «Чистые помыслы».

Таня наложила макияж «деловое утро» и отправилась в редакцию «Вельт ам Зоннтаг». В офисе на Бодензеештрасе просили подождать в комнате, полной газетных подшивок, папок и сбоку стола невзначай забытый и плохо клееный денежный конверт. Просидев минут пять, Таня почувствовала, за ней наблюдают. Яша рассказывал, так «проверяют на вшивость» людей с улицы. Особо иностранцев. Прежде чем общаться по делу. Журналист интересовался источником информации, Аду она не назвала. Журналист позвонил через день, несколько вопросов и просил задержаться в Гамбурге, набело прочесть текст. Статью напечатали.

Хорошо смеется тот, кто смеется без последствий.

В Москве Таня вынула из старой обувной коробки письма, которые не отправила Борису в разные годы. Он прочел в один вечер и поцеловал. В кои-то веки. Таня собрала в дальний шкаф флотские рубашки, черные ботинки, старую черную пилотку без звездочки. На тельняшку и кортик она не посягнула. Через клиентку достала билеты на вечер военного флота в Колонном зале. Борю обманула: «прислали от министерства… форма одежды летняя парадная». Борис при-

ободрился.

Валя вернулась в Россию, учительствует. В два – три года приезжает Катя из Саломбалы, и Борис встречает ее на Ленинградском вокзале. Таня к ней не ревнует.

Какие книги едят собаки

Приблудился пес, молодой кавказский овчар. Я мало смыслю в собаках, но когда-то жила со мной в любви и взаимности до смешного тупая дворняга. Она жила в верности и, как все, умирая, лизнула руку хозяина. Если гладить собаку против шерсти, видна белая беззащитная кожа. Если большую собаку бить насмерть, она грызет палку. Или ружейный приклад. Потом сдается и, умирая, лижет сапог. Собачья любовь – не зов ли Природы к высшему благородству, обращенный к человеку.

Женщина средних лет вышла из троллейбуса у парка, с большим доберманом цвета соевого шоколада. Их я знаю: Вита и Мартын. Мы иногда гуляли втроем. Вита решительна в суждениях, строга надменным лицом. Это делает его некрасивым. Маленький обиженно сжатый рот придает ей видимую значительность. Она с восхитительной простотой называет себя интеллектуалкой и при том боится – не поверят. Собирает «салоны по средам». В нашей провинции литераторов, актеров, художников и вообще интересующих Вику людей мало, да не каждый придет. Тон задают художники без выставок, косвенный вызов властям. Подавшие на выезд в Израиль нервозны и обидчивы. Все поразительно мало знают свою страну. О винтах и приводах политики. Поэтому спорят особенно бурно. К полночи шум стекает в прекрас-

ные дали доброй и свободной цивилизации, виденной в кино. К Елисейским Полям Парижа. К теплой земле и прозрачному воздуху Тосканы. К оливковым рощам Израиля. Угол Бродвея и Пятой авеню, Нью – Йорк. Вита скалит мелкие зубы. Серые частности быта и окружающей действительности пробалтываются бегло и общо.

Меж гостями прохаживается доберман Мартын. Разговоры ему надоедают, ложится у стены. На обоях остается след его горячего потного тела. Подают жидкий чай. Мартыну повязывают на шею салфетку. Шутка такая. Пес вываливает язык и часто дышит.

Собирались самоутвердиться вместе и каждый в себе.

Крепчал застой. Вита ночными бдениями ждала провокатора в своем кружке. Определили бы «фиксированную группу», тогда бы написать известному московскому диссиденту и при удаче блеснуть на БиБиСи или хотя бы на Немецкой волне. Провокатор не приходил, «туда» не вызывали.

…Вита вышла из троллейбуса у парка, лицо ее бледно и заморожено. Добродушный Мартын резвился на газоне, пугая детей. Она дождалась очередного троллейбуса и вошла. Дверь с пневматическим вздохом закрылась. Троллейбус почему – то не сразу двинулся. Брошенный Мартын бился в заднюю дверь и рычал. Белая пена на брылях розовела. Долго бежал за троллейбусом, отстал. Беда, большая собака по помойкам не прокормится. Народ в городском транспорте осуждающе безмолствовал. Я отвернулся к окну, чтобы Ви-

ка не узнала. Уловил в стекле ее пренебрежительное выражение.

Была другая женщина. Несколько лет мы работали вместе в облезлой четырехэтажке на окраине Риги. Что – то считали и нормировали. Симпатизировали друг другу. (Наш язык прихотлив: симпатизировать себе нельзя. Себя можно любить). Мы любили смотреть на медленный дождь, и на огонь. Ускользающие минуты, когда близость возможна, но лишена духовного смысла. Собирали дикую малину на лесной вырубке. Она была в косынке по самые глаза, и в ладных резиновых сапожках. Наклонила красную ветку, упала радуга. Я влюбился.

– Не надо меня любить, говорила она с искренним чувством. – Наши отношения станут опасны, если… В конце концов на мне дом, трудная дочь, и я банально люблю мужа. Казалось, она уговаривает не меня, себя. Чеховский сюжет, но мы никогда не стояли, касаясь руками, в церкви на ранней заутрене, я не играл в вист с ее мужем, дочь видел мельком. Мы жили в стране прохладных человеческих отношений.

Никакой тайны любви нет. Простота любви Кате недоступна. Так мы уговаривали друг друга года полтора. Вся эта цепочка событий изнурила меня чрезвычайно и выпила все соки. Потом она уезжала навсегда в другой город, я вез ее к поезду. В раскаленном летней жарой автомобиле родился язык ее тайных желаний и страстей. Могли бы прожить другую жизнь, а сейчас поздно. Свернули с асфальта на грунто-

вую, по проселку в редкий молодой лес и стали судорожно, в тесноте «Жигулей», раздеваться. Увидели худую собаку, привязанную к дереву. Тянула стрелой поводок и неотрывно, неотрывно глядела вслед предавшему ее хозяину.

– Отпусти ее, сказала Катя.

– Катя… она оттолкнула меня.

Я поплелся к разросшейся липе. Старая собака меня будто не заметила, все смотрела вперед и тянула поводок. Расстегнуть ошейник я не смог. Вернулся к машине, мошкара тучей слетелась на мою голую плоть. Ножа в сумке не было, рылся в багажнике. Обрезал поводок и пес бросился сквозь лес и потом луг, редко останавливаясь, вынюхивая старый след.

К поезду мы опоздали и сидели на вокзальной лавочке. Кто – то любил девушку Светлану и на скамье вырезал навечно «Света».

Катя уехала и я погнал машину на парковку. Там и приблудился молодой овчар. Вряд ли его бросили здесь – место не подходящее. Может быть, хозяину казалось, собака запрыгнула и лежит на заднем сидении. Стартовал.

В первый день пес искал что – то, перебирал одежду. В порыве сентиментальности я подумал, он ищет запах женщины из своей прошлой жизни. Женщины не было. Если мои редкие гости задерживались в прихожей, он легко покусывал их за щиколотки, пастушья порода. Так на горном склоне кавказская овчарка загоняет в стадо отбившуюся корову. Оставшись один в квартире, он грыз книги. Я подкладывал «Спра-

вочник профсоюзов», он грыз старые тома. Они вкусно пахнут настоящим мучным клеем. Иногда вечером пес грустно лежал у входной двери. Ждал прежнего хозяина? Безнадежно окликал его – Мартын! Подумал, собака знает слово «гулять», и назвал его Гуляй. Он приносил в зубах поводок и садился у двери. В общем, минуты единения и счастья были.

Месяца через три позвонил хозяин. Уезжал куда – то, потом опрашивал владельцев машин на стоянке. Я спросил имя пса.

– Тёма.

– Тёма? – переспросил.

Пес взвился и кинулся лизаться. Услышал свое имя. Еще два дня называл его Тёмой. Грустно расставаться, во всяком случае мне. Тёма прикусывал за запястье – звал с собой.

Прекраснодушный

В старости ум не дает вариантов мысли. Душевный и постоянный диалог с самим собой становится плоским, а воспоминания невольно правдивы при спящей фантазии. Да и мистер Паркинсон вскоре разделается со мной, как некогда с моей матерью: я пишу, придерживая кисть правой руки – левой. Не припомню имени молодого актера, он прощался со зрителями телеканала, где недавно был популярен. Вид перекошенного страдающего лица ужасен, но продюсер, очевидно, не мог отказать. Актеру подали микрофон, но лишь тень человеческого голоса (если голос может иметь тень) прозвучала. Дали белоснежный лист бумаги и он, упирая левой рукой правую, написал по детски крупно и в кадре «прощайте». Изображение дрогнуло – сбилась рука оператора за камерой.

У меня нет времени на фантазии, это лишь заметки простодушного человека. Если, глядя в печатный лист, вы примете текст за прозу, то она, заметьте, растет из глагола. Как сама жизнь: «уехал», «думал», «простил», «любил», «нашел».

Ей под восемьдесят, я нашел Веру на полу ее комнаты. Она как трава, без движения и речи. Байковый халат неприлично распахнулся. Лицо оплыло и посуровело, никогда оно не было столь значительно. Боялся прикоснуться, дыхания

не слышно и глаза без взгляда, неподвижные без глубины, данной Кем – то человеку. Возьму ее на руки, а вдруг взглянет осмысленно прежняя тетя Вера. Было тихо, солнечно на двенадцатом этаже и, казалось, так будет всегда. Нелепо поднял Веру, невольно обняв. Непристойный поток сознания… бедная Вера, вечная девственница, мужских рук ты не знала. Живя рядом, ты была первой женщиной, о которой я думал подростком. Нелепо путаясь в Вериных ногах и руках, перетащил ее в постель и накрыл пледом. Она получила эту дешевую и колючую вещь в подарок ветерану великой войны и радовалась ей и показывала редким знакомым.

Вошла усталая, в провинциальном и бесцеремонно блестящем золотой люрексной нитью жакете врач.

– Женский инсульт редок и кома держит дольше.

Высоко задрала ногу лежащей Веры и отпустила. Нога упала истинно не живая.

– В нашу больницу никак не возьмут, разве в коридор. Пахнущий постными супами и старостью, заставленный койками по одной шершавой стене коридор я видел.

– Нет. Заплачу сиделке, санитарке. И есть же гуманитарные службы…

– Сейчас раздеть догола, подложить кухонную клеенку, клизму сделать.

– Я сам? Вот уж действительно волосы шевельнулись ужасом.

Женщина сдавила легко Верино безвольное морщинистое

горло и придержала. Оно дрогнуло.

– Кормить – поить, две – три ложки. Это вам родственница?

– Тетка Вера, всю жизнь с нами была, сейчас вдвоем.

– Благо, что не мать. Сыну за матерью **так смотреть** грех и мука. Господи, пошли нам кончину скромную, чистую и недолгую. В первый раз сама все сделаю, вы придержите.

Вечерами я в изнеможении курил в лоджии. С видом на реку Даугаву, широкую здесь. Медленное течение, сколько себя помню, внушало покой. С годами на необитаемом Заячьем островке построили телебашню, монстра на трех лапах. Как боевые машины из «Войны миров» Герберта Уэллса. Башня высока и видна отовсюду. Сегодня чувствую, марсианин готов перешагнуть реку и, путаясь в ногах, сокрушить меня, Веру и город за нами. Без пощады, не различая латышей и русских, зверей в зоопарке, евреев, поляков, националистов, коммунистов, членов Партии некурящих и участниц парада Настоящих блондинок.

Четыре дня я старался, как мог, привыкая к невозможному, особо противному мужскому естеству. Зачерствел душой в кормежках, омовениях. Названивал знакомым в надежде найти сиделку. И внешне сдал, где же скромный лоск и некоторая вальяжность холостяка, знающего себе цену. Когда Вера засыпала (?), я думал о сестрах: маме и Вере и конечно об отце. Его за сорок прожитых вместе лет я не узнал. Он холодно меня не замечал. Временами думалось, в мо-

ем рождении была какая-то тайна? Я окончил школу – он посоветовал идти слесарем на ближний завод. Я ушел в армию, отец на пятый день спросил, почему я не выхожу к обеду. (Тетка Вера как-то рассказала). К столу требовалось являться в застегнутом пиджачке, большие подростковые кисти торчали из рукавов. На низком абажуре, дававшем глубокую тень позади круглого стола, висела записка: Sodien mes runasim latviski (сегодня мы говорим по латышски) или Heute sprechen wir nur Deutsch (сегодня мы говорим только по-немецки). Я отпраздновал диплом престижного радиофакультета, отец, узнав об этом удивился и обещал устроить в радиорубку поезда Рига – Москва крутить музыку.

Мама успела до первой мировой войны и общерусского развала окончить царскую гимназию, и было в ней нечто рафинированное. В голову не могло придти обнять ее, прижаться телом. Она спрашивала только, перешел ли я в следующий класс, и однажды подложила письмо, предостерегая от юношеских заморочек.

Тетя Вера была теплей и ближе. Она пошла по комсомолу, обязательному трудовому стажу и без любви к ремеслу стала врачом. Война, госпитали, естественно, самые яркие ее годы. Потом пустота. Мама позвала – живи с нами, Веруля. Сестры стали близки, когда тень Холокоста настигла семью. Третью из сестер звали Блюме (Цветок), она погибла на Украине. Рыдала Вера, мама вышла в соседнюю комнату и долго смотрела на себя в зеркало. Она походила на Блюму.

С того дня о ней мама никогда не упоминала.

Врачом в рижской больнице Вера тайно любила профессора, делавшего красивые операции на заячьей губе. Такая же не оперированная губа была у него под породистыми усами. (По смерти Веры нашелся медальон с обрезанной по краям фотографией профессора, лет шестидесяти пяти. В те дни пронзительно – сентиментальный, я опустил медальон в гроб). Потом Вера стала опрятной старухой, любила готовить и смотреть, как едят. Вот, собственно, и вся канва Вериной жизни. Еще семейная молва – в юности она полагала замуж за горного инженера, но у жениха обнаружился туберкулез.

Моя жизнь повисла на волоске, на прозрачной паутине, когда Вера поселилась с нами: она привезла с фронта пистолет (скоро сдала куда положено). По ночам я открывал ящик стола и гладил ребристую рукоятку. Это не могло продолжаться вечно – вынул пистолет и понял, патроны есть. Чувство неизмеримого превосходства над всеми мальчиками и девочками 7 Б класса охватило меня. Спрятал ТТ в ранец (отец настоял: ранец формирует осанку. Моя кличка была, естественно, ранец – засранец). Утром вместо уроков поехал стрелять в парк Аркадия. Понимал, за одним – двумя выстрелами сбегутся люди, но не мог об этом думать. В пустынном зимнем парке положил ранец на снег, вынул пистолет, тяжелый. Нацелил в дерево поближе и вдруг решил – застрелюсь. Как же иначе оправдать стреляный патрон и кра-

жу? Были школьные приятели погодки Эдик и Саша, я часто приходил, чтобы увидеть их мать, как сейчас понимаю, полную улыбчивую женщину лет сорока. Но тогда я любил ее, не зная, что на самом деле это сыновнее чувство, и плакал с пистолетом в руке. Плакал от неизбежности жизни, в которую предстоит войти.

Всю жизнь мне не везло, не фартило, не выпадал случай. Глупые совпадения, неудачи и сплетни, неуверенная нервозность преследовали годами. Но судьба была снисходительно – справедлива в парке Аркадия: пистолет надо снять с предохранителя, но как. Повертел и подергал так и так и положил ТТ на снег, а потом в ранец и поехал на трамвае номер пять в школу. В тот день Фортуна благоволила, хватило страха не вынуть пистолет из ранца. Ночью вернул его в ящик стола, замок открывался ногтем. Вера, кажется, заподозрила и смотрела настороже.

Поил безнадежную Веру свежей водой, настоянной в серебряном черпачке.

– Тетя Веруля, в голове лопнул сосуд и запрудил мозг кровью – сказал я. – Зачем такая жизнь мучительная. Не слышала она, глаза без взгляда. Поднял повыше серебряный черпачок и, обливая ее поросший сизыми волосами подбородок, влил в беззащитный беззубый рот много воды, со стакан. Клянусь, за секунду и мысли такой не приходило. В тихой тишине прошло минут пять, Вера умерла. С этого дня у меня дрожат руки.

Пришла врач в жакете с люрексом. Здесь бы можно нафантазировать детектив: врач подозревает, открывается следствие, или драматичней – шантаж, затем – врач совсем еще не старая женщина – любовь и бегство в Африку. Африка, где моя маленькая миленькая черная девочка танцует свинг. Но она лишь вздохнула и выписала справку.

После похорон обнаружился замшевый мешочек орденов и медалей. Красная Звезда с малым номером, полученная, следовательно, в начале войны. И флакон когда – то дорогих и престижных духов «Красная Москва», презент Вериного пациента лет двадцать пять тому назад. Стеклянная пробка притерлась, приварилась и с трудом подалась. Пошла коричневатая муть и уксусный запах.

Сейчас я старше Веры, часто думаю о серебряном черпачке. Если есть жизнь духа после кончины, что скажу?

Тем тихим днем ничего убийственного не произошло, – говорит моя жена, успокаивая. В самом деле она так не думает. Помог ли я во благо Вериной душе покинуть страдающее и обреченное тело. Поступи я так же, будь в СССР памперсы?

Вторжение

Продажные журналисты, шпионы, роковая дева в небольшой правдивой повести о былом.

На Вацлавской площади Праги стоят советские танки, лучшие в мире. Десять из пяти тысяч, вкативших в Чехословакию в августе 1968 года. Хороши, скрытая мощь. Грязь дорог восточной Европы на лобовой броне. Броня крепка. Наши танки быстры. От гедеэровского Берлина до Мюнхена, например, одиннадцать часов. Танки любой державы, в отличие от самолетов, лишены индивидуальности. Но отражают народный тип. В русском есть что – то молодое, залихватское. И некая горделивость. Немецкая «Пантера» была крепкой женщиной средних лет, тяжела на руку. Английский «Центурион» – молодящийся джентльмен.

На Вацлавском намести народ беснуется и плачет, камни, звеня, лупят броню. «За нашу и вашу Свободу!». Более отчаяния, чем злобы. Таких пражан Сергей не видел, не предполагал. Последний в колонне танк загорелся. Бутылка зажигательной смеси, оружие отчаяния. Солдаты выскочили, сбивают огонь брезентами. Сергей успел нажать фотоспуск. Алена (ударение на начальном А) вырвала «кодак», страшится танков. Их тупая, пещерная мощь подавляет. Передний танк повернул башню и хищно повел пушкой. Лейтенант

открыл люк и выглянул. Ему долдонили защитить Прагу от оголтелой западногерманской военщины, наследницы Гитлера. Об этом твердила по-чешски и по-русски новая мощная радиостанция «Волга». Сергей узнавал московских дикторов. В первые дни вторжения пошла деза: «Страна встречает желанных защитников социализма цветами и пивом, чешки и словачки флиртуют и фотографируются с русскими сержантами». Они там не понимают тяжести своих объятий? Эфир абсурда.

Возвышаясь над толпой, лейтенант из Костромы (Луги, Осташкова, Порхова) чувствовал обман. Но усомниться в родном, черно – земельном русском и заскорузло – советском не мог.

– Давай! – сказал он механику. Мотор взревел форсажем, сизый бензиновый туман всклубился. Народ шарахнулся. Сергей длинно материл лейтенанта. Алена больно толкнула, крикнула:

– Сто лет не говори в этом городе по-русски! Заплакала. – Нет у меня родины.

Ему, постороннему, жутко видеть бессилие достойного народа. Пошел дождь, толпа прибывала. Рядом старик сказал, махнув на танки:

– Они под крышей, а мы мокнем.

У Сергея и Алены есть свой советский танк. На высоком постаменте, на Смихове. В честь и славу мая 1945 года. Место называется «У танку». Сергей обитает напротив, в квар-

тирке мужа Алены, оставленной для гостей. В назначенное время Алена подходит к танку, Сергей видит из окна и отпирает дверь с черного хода.

Ах, Алена.

Он мечтал работать на заграницу. «Наш специальный корреспондент в Нью-Йорке Сергей Мюр передает. Шикарно.

Его малая тихая родина Столешников переулок.

Таинственна и коварна Столешня. Во внутреннем дворе двухэтажный красного кирпича небольшой флигель. Нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, лично знавший Ромен Роллана, Анри Барбюса и Бернарда Шоу, поместил во флигель балерину (на выходах) Большого театра Кирпичникову. Он приезжал в авто, она выходила в манто.

Соседний дом озаряет витрина ювелирного магазина «Алмаз». Что-то вращалось в ней и изображения брильянтовых диадем рекламно проецировались на нечистый тротуар. Витрину расколупала банда Черная кошка. Фильм «Место встречи изменить нельзя» вышел значительно позже. Бабушка Мюр знает все о Столешне, даже видела закладку памятника Свободы на месте конного Юрия Долгорукого. В революционные годы. Против дома ее родителей в Столешниковом было поэтическое кафе, и при Сергее «Артистическое». Там бабуля познакомилась с поэтом Игорем Северяниным. Гуляли по Петровке и Страстному бульвару. Северянин не был бульвардье. Дед же Сергея когда-то служил в конной

гвардии. Дома хранилась настоящая кираса. Кирасир бегал за поэтом с пистолетом. Не догнал.

Поиграв от души и вволю в футбол за факультет журналистики МГУ, Сергей пошел наниматься на Иновещание. Заграничный радиоголос СССР. На Пятницкой, 25 собеседовали.

– Кого вы полагаете опаснейшим пропагандистским врагом социализма?

– Радио «Свобода». Не понял Беседчик чистого комплимента мюнхенским сидельцам.

– Как противостоять злобной клевете «Свободы»?

Глушить крепче – подумал Сергей. – Он вооружен пятью годами журфака, Столешницей, историей своей семьи Мюр. Знает, что говорить, и тем неуязвим. Вслух сказал:

– Обреченность врага в нашем морально – политическом единстве. Темы для дискуссий не стало. Зачислили в штат.

Журналистика опасная профессия – не попадешь в струю, будешь всю жизнь информации в двадцать строк писать.

В первые месяцы Сергей вычитывал чужие сюжеты. Должен бы на них учиться, но не понимает, зачем писать длинно. Вычеркивает пустые фразы. Редактор, почуяв конкурента, подложил новичку свинью: безымянный текст для правки. Ждал с умилением, Сергей искорежит классика, допишет. По меньшей мере, выкинет пейзаж. Можно всем показывать поруганный лист, в анекдот превратить. Сережа не узнал руку Чехова, хотя фраза «В тридцатилетних и замуж-

них не влюбляются» показалась ему отдаленно знакомой. Ни запятой не поправил: чистая, не утомительная проза. (Рассказ «Володя»).

Сергей приятельствует с корреспондентом по Германии Петей Шокиным и качает из него рассказы о загранице. Из устных былей Петра Шокина.

«Наш турист в Германии. В центре Кёльна останавливает прохожего:

– Ihre Frau hat schoene Busen. Немец обалдевает. От него шарахались в Берлине, Лейпциге. Пытались избить в Майнце. Он наивно спрашивал центральную площадь. Звучало: «У вашей жены прекрасные груди». Так жена в Москве научила.

Трир, родина мозельских вин. Музей Карла Маркса, здесь родился и жил, написал статью «О положении крестьян – виноделов в долине Мозеля». Отдал предпочтение белому мозельскому. В дальней витрине, рукой Основоположника письмо (отчаялся получить профессуру в Германии) кайзеру Фридриху Вильгельму с просьбой выехать в Америку.

Экскурсовод: – И этот идиот его не отпустил.

Инструкция солдату бундесвера в случае атомной войны:

а) расплатиться за пиво b) сообщить дежурному офицеру о начале войны с) действительно ли война началась. Справиться у официанта.

Встречаются немец с австрийцем. Немец, раздраженно: юный Гитлер дважды держал экзамен в Венскую академию художеств. Завалили. Приняли бы – унд аллес гуте – и все

хорошо».

Под утро, когда разгромленный стол вызывает салатное омерзение оливье, спросил:

– Петя, ты в КГБ?

– Внештатно сотрудничаю. Не видно иначе Сингапура, Монреаля – сказочные города… Предлагают, например: заинтересуйте советолога Имярек выпуском его книги в СССР. Намек на смягчение критики в наш адрес. Обхаживай его. Лови по презентациям. Тяжкие будни. Книга вышла в СССР и на Западе, Имярек с ужасом узнаёт: на деньги КГБ. В Европе никто руки не подаст. И он уже взмыленный агент влияния. Но это, как немцы говорят «нур онэ михь» – «только без меня».

– Но кинжалы, яды, симпатические чернила, роковые любовницы, зонтики – клинки, пыточные клещи для расплющивания мужских достоинств, наконец?

– Ты, милый, романтик.

Сергей ловко обходит редакционные интриги, не участвует. Для них простоват, не интуитивен. В разговоре с начальством полчаса в карман за словом лезет. Не карьерный, но надежный. И тем вошел в доверие. Предстоят большие игры.

В Эстонии назрел пропагандистский прокол. Прошел слух о ритуальном убийстве в канун Песах, еврейской пасхи. Исчез мальчик Бруно, нашли кровавые пятна. Появились антиеврейские настроения и высказывания. Они известны за рубежом. Сверхзадача Сергея – опровергнуть подлые слухи.

Сергей черноват, карие грустные глаза, сутуловат. Еврей по внешности. Не по паспорту, слава Б-у. (Я еврей, клянусь Аллахом). Он выбрал жертвой таллинского раввина.

Поезд пришел в Таллин до полудня. Сергей поднялся к башне Длинный Герман, некогда самой высокой в Европе. Что – то она напоминает: наклейку на бутылке ликера «Вана Таллин». Умеют же наши делать приятные вещи. Белый собор Александра Невского недалеко от гостиницы. Пустынно. Прошел дьячок в черной рясе. Худой тонким лицом, постится. У Царских врат священник взмахнул кадилом, сладость струится. Запел старый речитатив в солнечной церкви. Русские называли Ревель – Колыванью.

Он отлично выспался и бодро побрился. К завтраку в отеле подали подогретые круассоны, эстонцы гонятся за Западом. Предстоял день тяжкий и интересный. Он этого хотел. Столичное удостоверение открывало двери. В политически взрывном сюжете решил начать с КГБ. Принял подполковник Юхан Юрна. По северному приятный. Напрасно они приколачивают в каждой комнате портрет Дзержинского. Сидя лицом к нему, трудно сосредоточиться и говорить. Непроизвольно и несколько раз Сергей взглядывал в измученное туберкулезом лицо лучшего друга советских беспризорников. (Товарищ председатель ВЧК, я ни в чем не виноват). Юхан Юрна усмехнулся. Говорили о мальчике Бруно. Вариант ритуального убийства упомянули как нелепый. Некоторой антипатии к евреям в обществе в связи с этим де-

лом Юрна не отрицал. Фантастична природа слухов, анекдотов и настроений. Они вспыхнули как степной пожар. Сплетни, анекдоты и слухи возникают ниоткуда и размножаются быстрее вирусов.

– Ищем поджигателей в своем огороде – говорит офицер в штатском.

– Мальчика бы искали, сказал себе Сергей.

– Мальчика найдем, – расшифровал Юрна. – Вы приехали для встречи с раввином, не так ли? Сообщите о его самочувствии. И настроении. Можно по телефону. Подал визитную карточку (только фамилия – имя – телефон).

Попался на удилище, как Петя Шокин?

Пронзительный ветер с моря, и летом холодный. Море лежит за косматым пригорком, начинаясь вросшими в дно гранитными валунами. Посмотришь ли с моря – оно ими кончается. Сергей разыскал дом. Оказался в прошлом веке заставленных тяжелой мебелью комнат. Угадывалась большая семья. Увидел старые книги с серебряным тиснением, на иврите. Открыл кожаный фолиант. Вот и по-русски с буквой ять: «Первая Книга Яств». Дозволено Его императорского Величества Цензурным комитетом. Киев, 1811 года 16 генваря». Ребе полулежал в кресле. Жена, в крупной сетчатой накидке на волосах, налила вино. С виноградников южной стороны горы Кармель, возле Хайфы. Кошерное. Сергей впитал тонкий, сладковатый аромат. Начал издалека, с весьма похожего ритуального дела Менахема Бейлиса. В 1913 году киев-

ские присяжные его оправдали. Голоса разделились поровну: шесть на шесть. Блеснуть поверхностной эрудицией не удалось. Ребе ответил рассказом о первом авторе Кровавого навета византийце Сократисе. Он писал в Константинополе в 415 году.

Раввин мыслил остро, скоро понял, каких очевидных слов ожидает Сергей: «проявлений антисемитизма в связи с делом Бруно в Эстонии нет». Кивнул бы, и достаточно, работай Серега в газете. Для радио нужен живой голос. В микрофон ребе сказал:

– Евреи в СССР живут хорошо. Нам не мешают молиться. Мой сын, например, майор. Перешел на идиш. Сергей напомнил держаться темы. В микрофон ребе сказал: – Евреи в СССР живут хорошо. Нам не мешают молиться. Мой сын, например, майор. Перешел на идиш.

– Семен, скажи молодому человеку, что ему нужно, – вмешалась жена. – Да, согласился раввин. Все повторилось. Немаскированный отказ и указание на дверь. Кусочек голоса все же есть. Замикшируем.

Текст Сергея прозвучал на четырех европейских языках. В тот день нашелся мальчик Бруно.

Юхану Юрне Сергей не позвонил и, чтобы не передумать, разорвал визитную карточку. Он остался на несколько дней в Таллине. Не был за границей, город казался уголком Европы. Город и тянулся стать европейским внутри двухсотмил-

лионного советского конгломерата. И слыл самой антисоветской республиканской столицей. Вечером Сергей подался в клуб журналистов на улице Пикк, 16. Пить он воздерживался. Застал гульбище на эстонский манер: негромко разговаривали, скромно заказывали. Пьяных не видно. Двух – трех местных журналистов он знал и спрашивал, почему газеты молчат о мальчике Бруно.

– Нет начальственной воли и знака – отвечали.

Дверь отворилась и вошла женщина. Что может быть банальней: села к столику Сергея. В цвета бледных водорослей платье-мини и пестрых колготках. Смело по тому времени. Отовсюду видна. И сколько он знал ее, оставалась видна всегда и повсюду.

– Меня зову Алена. Не ваша Алёна, ударение на А. Я живу в Праге. Чухонки же обитают в каменных мызах и морозными ночами вяжут теплые длинные носки для Деда Мороза. При свете северного сияния.

Свободный русский язык. Алена из чешского издательства «Дом и быт», разыскивает и фотографирует оригинальный дизайн жилищ по социалистическому миру. Она работала, он наблюдал. Неотразимо познакомилась со многими и приглашена осмотреть дома и квартиры под сюжет «Эстонский жилищный модерн». Охота эстонцам в европейский модерн.

Они жили в одной гостинице и шли по тускло освещенным улицам Старого города. Беспорядочно вспоминали мос-

ковских знакомых – Алена знала чешских журналистов и сотрудников в Москве. В следующие дни Алена снимала. Сергей возил ее по чужому городу в заемной машине. Права он оставил в Москве.

Вечером на скамье в парке и в баре на Кадриорге она рассказывала о студенческих волнениях в Праге, о будущем «социализме с человеческим лицом». Ее сжигал темперамент, Сергею не все понятно. Не последний в ряду муж Алены, редактор газеты Иржи.

– Мы боимся только вас, русских.

Алена достала несколько печатных листов. Манифест «Две тысячи слов». Пражская весна, наивные чехи полагают словами улучшить жизнь.

Поехали купаться в Пярну. Шикарный пляж и море теплей.

– Закажи комнату на двоих, шепнула она у стойки гостиницы. Удалось, в Эстонии менее российского тянуть и не пущать. Валялись на песке и загорали молча. Забредали далеко в мелкое море и плавали. Все очаровывало в Алене. Цветущая женственность, одержимость свободой, и как она пересказывала сказку Волк и семь козлов.

– … и семеро козлят.

– Но они выросли! Волк состарился, выпали зубы. У вас, коммунистов.

Сергей влюблен, не нужно ничего говорить. Гуляли в вековом парке при луне. Что может быть сентиментальней. В

номере Алена сказала:

– Жуткая проблема: спрятать мою макси-жо в мини-ю. Грудь не спрячешь, шестой размер. Как у Мерилин Монро. Быстро разделась. Целовал черные, торчащие, трепещущие соски и ушел. Не был готов.

Он шел по сухо вытоптанной обочине шоссе и «голосовал». Ночью попутчиков не берут. При повороте на Кирблу вышла из тихого леса крупная печальная Собака. Красивая и молодая, глаза ярко синие. Встала ниоткуда, как умеют собаки и, конечно, волки. Сергей заговорил, она потрусила рядом. – Прогнали, из машины на ходу выбросили? Не понимаешь по-русски. Не смею тебя уводить, хозяин ищет, ребятишки плачут. Сел на теплую землю и обнял пса. Собака заплакала синими глазами северной лайки. Он не знал, чем утешить. Сидели долго, обнявшись.

– Ищи свой двор, пошла, пошла. Сергей нагнулся, будто подымая камень. Собака села. Поворот дороги ее скрыл.

Он унес рассветный ясный лес, озеро, светлую дымку, чистый звериный запах Собаки. Унес навсегда, что может казаться тривиальней. Было же это утро: даже умри я завтра, была жизнь. Он часто думал о Собаке, сколько ей сейчас лет. Где живет. Однажды понял, Собаки уже нет. Биологически. Есть то утро, пока существует он сам.

Вечером он в Столешниковом. Алена отрабатывает командировку в Вильнюсе. Обещала приехать в Москву.

Через неделю он ждал во Внукове вильнюсский рейс. На

старых, дребезжащих подвесками «Жигулях» поехали в гостиницу и там. Она радостно шла на все его фантазии. О чем слышал и думал когда-нибудь. О чем не слышал и в себе не подозревал. Стал верным, любящим, прикасаемым рабом. Она же безотказно и счастливо готова на все. Она любила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.